

ТРЕНДЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В.В. Карякин

ПОЛИТОЛОГИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: СИНЕРГИЯ, СЛОЖНОСТЬ И НЕЛИНЕЙНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ СИСТЕМ

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу эволюции политологии. Объектом исследования выступает российская и мировая политическая наука, предметом исследования - тенденции и закономерности ее эволюционного развития в эпоху постмодерна. Отмечено, что в эпоху глобализации идеология либерализма, как политическая теория и практика Запада, стала инструментом формирования глобальных экономических, информационных и культурных пространств. При этом политологические исследования направлены на изучение и анализ характеристик сложных и нелинейных социально-политических систем, обладающих высокими темпами изменчивости. Методологической основой исследования является системный, структурно-функциональный, сравнительно-политический подходы, методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, наблюдения. Политические реалии ускоряющейся трансформации современного мира поставили на повестку дня научных исследований вопрос о том, что социально-политические и экономические системы необходимо рассматривать как саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы, сетевые по своей структуре, нелинейные и открытые внешней среде и подверженные воздействию социальной энтропии.

Ключевые слова: политика, общество, наука, государство, гибридные войны, цветные революции, демократия, интересы, НАТО, безопасность.

Review. This article analyzes the evolution of political science. The object of research is the Russian and international political science, the subject of investigation – the trends and patterns of its evolutionary development in the postmodern era. It is noted that in the era of globalization, the ideology of liberalism as a political theory and practice of the West, has become a tool for shaping global economic, informational and cultural spaces. This political science research focuses on the study and analysis of the characteristics of complex and non-linear social and political systems that have a high-rate variability. The methodological basis of the research is a systemic, structural and functional, comparative political approaches, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, observation. Accelerating the transformation of the political realities of the modern world put on the agenda the issue of research of socio-political and economic systems as self-regulating and self-developing systems, as network structures, non-linear and open to the environment and exposed to social entropy.

Keywords: interests, democracy, color revolutions, hybrid war, state, science, society, politics, NATO, security.

В конце 1980-х годов стало ясно, что на смену эпохи Модерна, в основе которой лежали парадигмы индустриализма и борьбы идеологий политических систем, приходят времена Постмодерна, выражением которого является глобализация. После расчистки «завалов» эпохи Модерна, выразившейся в дележе советского наследия и утверждении однополярного мира, развернулись процессы глобализации мировой системы. Идеология либерализма, как политическая теория и практика Запада, стала инструментом формирования глобальных экономических, информационных и культурных пространств. Началось вовлечение

стран и народов в «плавильный котел» глобализации, повлекшее, вместе с тем, противоположную тенденцию – феномен глокализации, как антитезы вестернизации обществ с традиционным укладом жизни.

В эпоху Постмодерна политический ландшафт международной системы претерпевает трансформацию, обусловленную информатизацией обширных регионов планеты, глобализацией финансово-экономической и промышленной сфер, влияющих на динамику социально-политических процессов, которая приобретает в силу своего многообразия и взаимной связности нелинейный характер. Философия Постмодерна

DOI: 10.7256/2307-9118.2015.3.16323

233

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

породила новое направление в науке: постнеклассическую рациональность, которой предшествовали классическая рациональность XVII века – первой половины XX века и неклассическая рациональность, рамки которой ограничены второй половиной XX века.

Политические реалии ускоряющейся трансформации современного мира поставили на повестку дня научных исследований вопрос о том, что социально-политические и экономические системы необходимо рассматривать в комплексе как саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы, сетевые по своей структуре, нелинейные и открытые для воздействия со стороны внешней среды, подверженные внутреннему воздействию стихии социальной энтропии.

Это потребовало разработки нового типа научной рациональности, в которой должна учитываться соотнесенность знаний не только с материальными объектами, но и с ценностно-целевыми установками деятельности личностей-субъектов политических и общественных процессов, предполагая их связь с социальными целями социума, в котором происходит их деятельность и которые отражают его ценности.

Как отмечает В.С. Степин, современная наука призвана рассматривать социально-политические системы, в которых человек является неотъемлемым их компонентом, что означает сближение методов естественнонаучного и гуманитарного познания на основе их глубокой интеграции [1].

В этом плане современные государства необходимо рассматривать как сложные иерархически-сетевые структуры взаимосвязанных между собой подсистем, находящихся в состояниях сотрудничества, конкуренции или противоборства, и в которых человек является главной движущей силой всех происходящих в них процессов.

Что касается характеристик таких систем, то, в первую очередь, следует отметить их основное свойство – устойчивость, означающее способность системы к самосохранению как целостной структуры в процессе ее внутренней трансформации и при ее взаимоотношениях с внешней средой. Если система под действием как случайных, так и преднамеренных внешних

факторов отклоняется от сохранения параметров устойчивого развития и переходит в область неустойчивости, характеризующую как состояние социально-политического хаоса, то ее целостность находится под угрозой. В этом случае в системе начинают проявляться признаки возрастания социальной энтропии, ведущей к нарушению функционирования и ускорению процессов ее деградации.

Второй характеристикой сложных систем является наличие механизмов отрицательных обратных связей, обеспечивающих гомеостаз системы, т.е. сохранение ее устойчивого состояния и способности парировать дестабилизирующие возмущения внешней и внутренней среды. Это обеспечивается за счет действия механизма, при котором осуществляется контроль критически важных параметров и при нежелательном их изменении происходит их коррекция, что и обеспечивает устойчивость состояния системы. Таким образом, система сохраняет заданную траекторию своего развития и, в целом, детерминированность свойств в определенном диапазоне изменений параметров внутренней и внешней среды. Ценность механизмов отрицательных обратных связей состоит в том, что они обеспечивают устойчивость за счет сохранения ее консервативной основы. Обратный эффект оказывают механизмы положительных обратных связей, способствующие трансформации системы, направленной как на ее развитие, так и деградацию. В обоих случаях имеет место трансформация системы в режиме обострения, т.е. с нарастающим ускорением смены фаз развития.

В качестве иллюстрации можно привести работу И.М. Дьяконова [2], в которой дается оригинальная трактовка периодизации истории человечества и показано сокращение длительности фаз ее развития. Итак, от появления Homo Sapiens до конца первобытной фазы прошло не менее 30 тыс. лет. Первобытнообщинная фаза длилась порядка 7 тыс. лет, ранняя древность продолжалась около 2 тыс. лет, имперская древность – около 1,5 тыс. лет, средневековье – около 1 тыс. лет, абсолютистское средневековье – около 300 лет, фаза индустриального развития – немногим более 100 лет и, наконец,

постиндустриальная фаза или эпоха Модерна длилась около 30 лет.

Сейчас мы живем в эпоху Постмодерна, продолжительность которой пока неизвестна, но ее длительность, видимо, будет недолгой. Если представить смену всех перечисленных фаз в виде временного графика, то мы увидим гиперболическую кривую, которая имеет прогрессирующую тенденцию к нарастанию, стремясь в бесконечность. Область ускоренного нарастания динамики трансформации системы называется областью сингулярности. Она показывает, что мы приближаемся к началу нового этапа развития человечества. Будет ли это развитие человечества на качественно новом витке эволюции или апокалипсис – неизвестно. Каким будет грядущий мир пока не ясно. Но ясно пока одно – это будет когнитивная революция, которая приведет к построению человеческого общества на качественно другой основе. Возможно, что в его основе будет положено освоение нового вида энергии и формирование сетевого искусственного интеллекта.

Современная политология, опираясь на фундаментальные методологические основы, руководствуется тремя базовыми подходами: принципом детерминизма, принципом соответствия и принципом дополнительности.

Как известно, классический принцип детерминизма организует формирование нового научного знания в форме причинности появления событий как следствия совокупности обстоятельств, предшествовавших во времени данному событию и вызывающего его. Здесь имеет место причинно-следственная связь явлений и процессов, когда одно явление или процесс порождает другое явление или процесс, имеющие место в ходе развития исследуемой системы. Классический ньютоново-лапласовский детерминизм, рассматривал линейную зависимость непосредственно взаимодействующих причинно-следственных связей между объектами. При этом такой объективный природный фактор, как случайность, не принимался во внимание, отвергался и выводил за рамки исследования, а явления хаоса и наличие турбулентности в природной среде старались минимизировать, считая их досадными недоразумениями.

Однако данный принцип, казавшийся ранее незыблемым, претерпел существенные изменения в своем толковании на неклассическом этапе развития науки во второй половине XX в. С появлением теории относительности и квантовой механики в принципе детерминизма поневоле пришлось учитывать наличие разнородных и объективно существующих форм взаимосвязи явлений и процессов, имеющих не четко выраженный причинно-следственный, а случайный характер. Это привело к пониманию размытости пространственно-временной корреляции событий и явлений в природной среде, заставив ученых использовать в научных исследованиях теорию вероятностей, нечеткие множества и интервальные величины [3]. На третьем – постнеклассическом этапе развития науки, когда стали рассматривать сложные социальные и экологические системы, в принципе детерминизма стали учитывать факторы детерминированного и динамического хаоса и турбулентности внутренней и внешней среды.

Что касается принципа соответствия, то он появился в рамках неклассической науки XX столетия с возникновением теории относительности и квантовой механики, а в начале XXI века претерпел изменения в рамках постнеклассического этапа развития научного познания.

В своем первоначальном виде принцип соответствия был сформулирован как некое «эмпирическое правило», отражающее связи на «стыках» между теориями в процессе развития междисциплинарных отраслей науки. Истинность принципа соответствия была доказана практически для всех новых направлений науки, возникших на междисциплинарной основе.

Это позволило сделать вывод о том, что новые научные направления могут претендовать на истинность, если они не отрицают существующие на данный момент теории и концепции как нечто ложное, а допускают их как частный случай или отдельную область в своих новых теориях или концепциях. При этом результаты, полученные в рамках «классической» науки, учитываются в «неклассических» и «постнеклассических» теориях и концепциях, которые рассматривают их с высоты своего уровня развития.

В целом, принцип соответствия говорит о преемственности этапов развития классической, неклассической и постнеклассической науки, который не следует нарушать во избежание появления всякого рода околонучных и лженаучных теорий и концепций.

Третий принцип – дополнительности, также был сформулирован в начале XX века. Выяснилось, что исследователь оказывает влияние на изучаемый объект посредством применяемого прибора, оказывая определенное влияние на ход и результаты эксперимента. Принцип дополнительности закрепил переход науки классического этапа ее развития к неклассическому. Если классическая наука функционировала как цельное образование, построенное на едином фундаменте линейного детерминизма и была ориентирована на получение системы знаний в завершенном виде, т.е. на однозначную интерпретацию результатов исследований, исключая из контекста исследования не только влияние исследователя, но и всевозможные случайные факторы, то с появлением принципа дополнительности ситуация коренным образом изменилась. После того, как в исследованиях стала учитываться динамика экономических, политических и социальных систем изучение объекта стало проводиться не как незамутненная привходящими случайными факторами реальность, а как изменение состояния системы, подверженной воздействию случайных по своей природе разнородных и разнонаправленных факторов внутренней и внешней среды.

Вместе с тем современный мир сложных динамичных социально-политических систем выявил такие условия их функционирования, как явление турбулентности, динамический хаос и рост социальной энтропии. Следствием этого стала динамическая неустойчивость и нелинейность их функционирования в условиях взаимодействия разнонаправленных сил, формирующих точки бифуркации, способствующие образованию структур-аттракторов, определяющих дальнейшие пути эволюции системы.

Таким образом, принцип дополнительности окончательно обозначил постнеклассическую фазу развития методологии научных исследований, в которой обозначился переход к на-

учному плюрализму в исследовании сложных систем с использованием теоретического и концептуального аппарата синергетики и нелинейности сложных систем. Постнеклассическая методология научного познания опирается на детерминизм высшего порядка, означающего вероятностный характер сценариев развития прогнозируемого будущего и предоставляющий инструментарий для его конструирования в многофакторном геополитическом пространстве с помощью применения современных политических и информационных технологий.

В обобщенном виде авторская реконструкция эволюции методологических принципов классического, неклассического и постнеклассического этапов развития научного познания представлена в нижеследующей таблице, разработанной на основе идей, изложенных в работах А.М. и Д.А. Новиковых [4], В.В. Ильина и А.Т. Калининна [5].

По выражению В.С. Степина, применение постнеклассической методологии в сочетании с синергетическим подходом для анализа динамики политических пространств и их эволюции «даст новые коммуникативные стратегии познающему субъекту, определяя то существенное обстоятельство, что целостность в постнеклассической парадигме представляется как открытое, системное и динамическое единство в многообразии выражающих его сторон» [6]. Такими сторонами, с точки зрения социосинергетики, являются общественные субъекты (общественные и политические деятели, а также общественно-политические структуры), выступающие в рамках данного подхода как элементы социума, в котором в ходе решения стоящих проблем формируется результирующее направление траектории общественно-политических процессов.

Эти вопросы были исследованы П.В. Турчиным [7], который при разработке концепции исторической динамики опирался на четыре социологические теории: геополитическую динамику Р. Коллинза [8], идеи арабского мыслителя XIV века Ибн Хальдуна [9], концепцию этнической ассимиляции и религиозного обращения Е. Дюркгейма [10] и М. Ходсона [11], а также на демографически-структурные модели

Этапы развития методологии научных исследований

Признаки для сравнения	Этапы развития методологии научного познания		
	классический	неклассический	постнеклассический
1	2	3	4
Объект исследования	Природные явления, рассматриваемые безотносительно к условиям их изучения	Сложные системы в динамике их функционирования и развития	Функционирование систем в условиях детерминированного хаоса, сингулярности и эмерджентности социально-политических процессов
Метод исследования (научного познания)	Постулирование непосредственно наблюдаемых явлений и процессов объективно существующей действительности реального мира	Трансформация Принципа дополнительности для сознательного использования наблюдаемых взаимоисключающих и дополняющих групп и факторов	Окончательный отказ от стереотипов линейного детерминированного мышления. Плюрализм научных подходов к исследованию сложных систем на базе синергетического видения динамики их функционирования
Отношение к получаемым научным результатам	Эмпирическая основа познания истины. Новое научное знание как прямое обобщение опыта научных исследований	Построение «гибких» концептуальных схем, позволяющих вводить в рассмотрение всю совокупность исследуемых факторов и взаимодействий для понимания динамики функционирования систем	Интерпретация получаемых научных результатов в контексте функционирования сложных систем в условиях динамического хаоса и изменений энтропии социальной среды
Суть научной истины	Адекватное знание природных явлений как объективной и однозначной реальности окружающего мира, определяемой «божественным промыслом» Творца	Видение исследуемой системы под ракурсом динамики ее функционирования и цикличности этапов ее развития от зарождения через расцвет, возвышение к деградации и упадку	Признание определяющего влияния на функционирование системы детерминированного хаоса, как фактора разрушения и созидания систем. Признание фрактальных структур социально-политических систем как носителей генетического кода, определяющего их сохранение для возрождения системы на следующем витке эволюции.
Достоверность научного знания	Научным считается лишь всесторонне обоснованное и доказанное экспериментальным путем знание. Присутствие неопределенности расценивается как недостаточность знаний о мире, говорящее об их гипотетичности и недостаточной достоверности	Отход от постулирования абсолютной точности и логической строгости полученного научного знания вследствие динамики рассматриваемых процессов. Развенчание наивного убеждения классической науки о том, что случайность есть лишь незнание (или неполнота наших знаний) исследуемых процессов и явлений	Признание того факта, что в одной и той же среде, при одних и тех же внешних условиях могут возникать разные структуры, играющие роль аттракторов, претендующих на разные пути эволюции системы. Признание динамической неустойчивости как фактора развития системы, которое осуществляется через аттракторы, точки бифуркации и случайные блуждания. Относительная достоверность научного знания обусловлена стохастичной природой социально-политических процессов

© NOTA BENE (ООО «НБ-Медиа») www.nbpublish.com

Дж. Голдстоуна [12]. В своей работе П.В. Турчин доказал продуктивность междисциплинарного подхода, который был использован автором при разработке геополитической концепции на основе синтеза геополитической динамики

Р. Коллинза, постнеклассики В.С. Степина и синергетики Г. Хакена.

В современных условиях традиционные методы политологических исследований, основанные на линейном детерминизме развития

социально-политической и международной обстановки, используемом в классической политологии, оказались неадекватными нелинейной природе современных социально-политических систем, функционирующих в условиях турбулентности разнородных и разнонаправленных сил, действующих в условиях социального хаоса и создающих условия их структурной неустойчивости.

Как отмечал И. Пригожин, «если бы мир состоял из устойчивых систем, то он радикально отличался бы от того мира, который мы наблюдаем вокруг. Это был бы статичный предсказуемый мир, в котором делать какие-либо предсказания было бы просто излишне. Устойчивые системы рождают определенность, соответствующую только идеализациям или аппроксимациям» [13]. Здесь же И. Пригожин сравнивает феномен устойчивости динамической системы с ездой на велосипеде – такой системой можно управлять, поддерживая ее в состоянии устойчивого равновесия только в движении.

Рассматривая вопрос сохранения устойчивости динамических систем, И. Пригожин и И. Стенгерс отмечали, что небольшие по уровню флуктуации приводят к возникновению цепочки реакций между компонентами системы, конкурирующими с существующими формами функционирования. «Если система структурно устойчива, то новый режим функционирования не устанавливается, а сами новые цепочки реакций не находят своей реализации. Но если структурные флуктуации успешно «приживаются», то система перестраивается на новый режим функционирования и ее активность подчиняется новому закону» [14].

Идеи И. Пригожина развивал академик Н.Н. Моисеев, который писал, что развитие динамической системы происходит по следующей схеме: система сохраняет устойчивость в период накопления новых особенностей. Но в какой-то момент «дарвиновская эволюция» заканчивается с потерей устойчивости системы. Начинается переход на новый эволюционный путь развития. В этот переходный период память системы ослабевает, характер процессов в ней начинают определять факторы стохастического характера. В результате система попадает в точку

бифуркации, выход из которой определяется наиболее сильным аттрактором [15].

Примерами этому являются «цветные революции» и войны последних десятилетий. Как отмечает А.В. Шевченко, динамика системы современного миропорядка определяется состоянием ресурсов, отражающих уровень геополитических потенциалов субъектов международной политики, среди которых информационно-психологические факторы играют все более важную роль в общей композиции глобального политического пространства. При этом доминирующее положение занимает человеческий потенциал, определяющий направление эволюции социума конкретной социально-политической системы. Касаясь вопроса устойчивости международных систем, она пишет: «Одним из основных условий устойчивости мировой политической системы в целом и ее рефлексивных подсистем является геополитическая стабильность, обусловленная стратегической стабильностью. Последнюю можно определить как ситуацию, когда ни одна из сторон не может получить выгоды и, следовательно, не имеет стимула нарушить военнополитическое равновесие» [16].

В целом следует отметить, что магистральный путь исследования сложных общественных и международных систем лежит в интеграции следующих научных направлений:

- теории диссипативных систем, теории хаоса и нелинейной динамики на основе синергетического видения социально-политических процессов [17];
- брюссельской школы И. Пригожина, разработавшей теорию нелинейных диссипативных структур на основе процессов самоорганизации в физико-химических системах, которая была распространена на широкий класс систем, включая социально-политические [18];
- школы Г. Хакена в Штутгарте, объединяющей международную группу ученых вокруг издательства Шпрингер, которая исследует процессы самоорганизации в различных системах. В своих исследованиях Г. Хакен предпринял успешную попытку интегрировать теорию хаоса в биологию, психологию, экономику и политику [19];

- теории катастроф, изучающей кардинальные изменения в структуре систем, возникающие при плавных изменениях значений параметров, представленная в работах В.И. Арнольда [20], Т. Постопа и И. Стюарта [21] и Дж. Томсона [22];
- мировоззренческих и методологических основ синергетики, изложенных в монографиях Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова [23], С.П. Капицы, С.П. Курдюмова и Г.Г. Малинецкого [24];
- концепции синергетического историзма, представленная в работах В.П. Бранского, интерпретирующих социальную синергетику как постмодернистскую философию истории [25];
- концепции синергетики исторического процесса А.П. Назаретяна, применяемая для исследования эволюции индивидуального и общественного сознания, социального прогресса и цивилизационных кризисов [26];
- концепции теоретической истории Г.Г. Малинецкого [27] и Н.С. Розова [28], которые используя понятия бифуркации, аттрактора и устойчивости систем, предлагают ее в качестве инструмента исследования процессов эволюции и разработки сценариев общественного развития.

Однако следует отметить, что, несмотря на значительные научные результаты, полученные в данной области, тема социальной и политической самоорганизации все еще не привлекает широкого внимания современных политологов. Синергетическое видение политических процессов до сих пор не заняло подходящего места в исследованиях и не получило системной интерпретации, позволяющей создание содержательных моделей эволюционных процессов в политических системах, в которых отражалось бы чередование эволюционной и бифуркационной стадий, заканчивающихся переходом на новую траекторию развития, либо катастрофой и разрушением системы в условиях динамического хаоса.

По нашему мнению, решение данного вопроса возможно в рамках новой политологической концепции, построенной на междисциплинарной основе постнеклассики и эволюционного

подхода к моделированию геополитической обстановки. Как справедливо отмечают Л.П. Киященко и В.С. Степин, «постнеклассика возникла на новом витке исторического движения познания, структурно сопрягая все то, что было достигнуто на предыдущих этапах, обозначенных как классика и неклассика, и дополняя их соответственно качественно новой атрибутикой научного концептуального аппарата» [29].

Такой атрибутикой является теория неустойчивости сложных нелинейных систем, функционирующих в условиях динамического хаоса, в которых решающую роль играют явления социальной энтропии и турбулентности политических процессов, к которым относятся спонтанно-психологическое неадекватно мотивированное поведение толпы, представителей элит, лидеров политических и общественных движений.

В зоне бифуркации структурное преобразование политических пространств, в формах проведения военных операций США и НАТО, «гуманитарных интервенций», операций по «принуждению к миру» и «цветных революций», либо вследствие возникновения благоприятных внутренних условий, как это произошло в случае возвращения Крыма в состав РФ, представляется как задействование наиболее сильного аттрактора при решении актуальных вопросов международной политики. При этом успешность выбора какого-либо пути трансформации часто зависит от таких субъективных факторов, как этно-конфессиональный менталитет нации, традиции принадлежность к определенной цивилизационной платформе, выступающих в качестве трансисторических факторов. Новейшая история знает многочисленные примеры трансформации политических пространств, к которым можно отнести расчленение Советского Союза и Югославии, «цветные революции» на Украине, в Грузии, Молдавии и Киргизии, а также политические провалы военных операций Запада в Афганистане и Ираке, неудачная попытка привести к власти в Египте ставленника Запада – М. Эль-Барадеи на гребне революционной волны «арабской весны» [30].

Противоречивое переплетение интересов ведущих акторов мировой и региональной по-

литики на фоне неоднозначных по своим последствиям процессов глобализации и действий негосударственных, трансграничных и транснациональных субъектов в регионах и отдельных странах заставляет конкретизировать следующие направления аналитических исследований в современной политологии:

- определение путей сохранения основ государственности и суверенитета страны в условиях внешнего информационно-сетевого воздействия с использованием стратегий «мягкой силы», «непрямых действий» и политических технологий «управляемого хаоса» для изменения государственного строя путем организации «цветных революций»;
- разработка подходов к исследованию динамики социально-политических систем с точки зрения присущих им свойств нелинейности и открытости, в которых формируются зоны бифуркации и аттракторы эволюции политических пространств;
- оценка степени влияния неправительственных организаций на устойчивость государственной системы;
- выявление тенденций нестабильности и конфликтогенности на начальных стадиях их зарождения, с прогнозированием возможных направлений их развития и разработкой механизмов парирования возникающих вызовов и угроз;
- устойчивость политических институтов в условиях идеологического, конфессиональ-

ного и информационного противоборства субъектов международной политики;

- условия и возможные пути трансформация международной системы к новому балансу сил в контексте формирования неоимперий эпохи Постмодерна.

Здесь следует отметить вклад в рассмотрение выше перечисленных проблем А.В. Манойло, которые могут служить референтными точками отсчета при исследовании данной проблематики [31][32][33].

В заключение следует заметить, что, несмотря на приведенную конкретизацию, круг проблем, решаемых в ходе политологических исследований, может подвергнуться значительным изменениям. Это объясняется возможностью появления новых социально-политических реалий в международной политике, меняющих пути трансформации мирового сообщества. Поэтому границы предметного поля геополитики и решаемые ей задачи могут варьироваться в зависимости от совокупности существующих и нарождающихся тенденций, угроз и вызовов для отдельной страны, региона и мира.

Поэтому современную политологию следует рассматривать как дисциплину, изучающую проблемы международных отношений во взаимосвязи значимых факторов формирования политической обстановки, используемых мировыми и региональными центрами силы в борьбе за обладание ресурсами во всех видах современных геополитических пространств.

Библиография

1. Стёпин В.С. Наука / Новейший философский словарь. Минск, 2001, с. 663.
2. Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: 1994, с. 352-353.
3. Новиков Д.А. Теория управления организационными системами. 2-е изд. М.: Физматлит. 2007.
4. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010, с. 70;
5. Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки: гносеологический анализ. М.: Высшая школа, 1985.
6. Постнеклассика: философия, наука, культура. Коллективная монография. / Отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Стёпин. СПб.: Издательский дом «Миръ» 2007, с.9-10.
7. Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. Пер. с англ. М.: Издательство ЛКИ, 2007, с. 35.
8. Collins R. Weberian Sociological Theory. N.Y., 1986; Розов Н.С. Современная теория геополитической динамики: реконструкция исследовательской программы Р. Коллинза, – www.archipelag/geopolities;

- Розов Н.С. Начала рациональной философии истории: исследовательская программа, модели и гипотезы. Вып. 5. Познавательные средства теоретической истории. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2000. 232.
9. Ibn Khaldun. The Mugaddinach: An Introduction to History. Transl. by F. Rosental. N.Y., 1958.
 10. Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life, N.Y., 1995.
 11. Hodgson M. The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization. Chicago, 1974.
 12. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern Civilization. Berkely 1991.
 13. Пригожин И. Конец определённости. Время, хаос и новые законы природы. М.: Ижевск, 2000, с. 53.
 14. Пригожин И. Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Издательство ЛКИ, 2008, с.165-179.
 15. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: 2001, с.42.
 16. Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы. Монография. М.: Изд-во РАГС, 2005, сс. 34-35.
 17. Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. М.: КомКнига, 2005, с.7.
 18. Пригожин И., Стенгерс И. Познание сложного. Введение. М.: УРСС, 2003; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Издательство ЛКИ, 2008, 296 с.; Пригожин И., Стенгерс И. Время, Хаос, Квант. М.: КомКнига, 2005.
 19. Хакен Г. Синергетика: Иерархия неустойчивости в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: 1985; Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. М.: 1991.
 20. Арнольд В.И. Теория катастроф. М.: УРСС, 2004
 21. Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и её приложения. М.: 1980.
 22. Томсон Дж. Неустойчивости и катастрофы в науке и технике. М.: 1985.
 23. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизация сложных систем. М.: 1994; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: Диалог с И. Пригожиным //Вопросы философии, №12,1992; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Структуры будущего: синергетика как методологическая основа футурологии//Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве, М.: 2002;
 24. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997.
 25. Бранский В.П. Искусство и философия. Калининград, 1999; Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории//Общественные науки и современность. №6, 1999; Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики // Вопросы философии, №4, 1999.
 26. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика социального прогресса). М.: 1995; Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. М.: 2001.
 27. Малинецкий Г.Г. Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории // Общественные науки и современность, №4, 1996; Малинецкий Г.Г. Нелинейная механика и историческая динамика // Общественные науки и современность, №2, 1997;
 28. Розов Н.С. Начала рациональной философии истории: исследовательская программа, модели и гипотезы. Вып. 5. Познавательные средства теоретической истории. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2000. 232 с.
 29. Постнеклассика: философия, наука, культура. Коллективная монография. Отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Стёпин. СПб.: Издательский дом «Миръ» 2007, с.9-10.
 30. Манойло А.В. Стратегии «управляемого хаоса» в условиях хаотизации международных отношений: миф или реальность? // *ВВ Международные отношения*. – 2014.-№ 1.-С.1-3. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10750;
 31. Манойло А.В. Информационное противоборство в условиях психологической войны. // *Закон и право*.-2003. №12. – С. 31-34;

32. Манойло А.В. Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами. // Политэк (Политическая экспертиза).-2008. №3 С. 62-73.
33. Манойло А.В. Модели информационного воздействия на разрешение международных и внутривнутриполитических конфликтов. // Федерализм.-2008.-№3. – С. 159-172.
34. Спиридонов В.В. О роли денег, кредита, банков для России в условиях санкций // Конфликтология / nota bene.-2015.-2.-С. 140-150. DOI: 10.7256/2409-8965.2015.2.14825.
35. Карпович О.Г. Демократические институты и их роль в системе государственного управления // Политика и Общество.-2015.-3.-С. 387-394. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.3.14781.
36. Остроухов О.В. Политический риск в аспекте национальной безопасности (основы оптимизации политического риска) // Национальная безопасность / nota bene.-2012.-2.-С. 30-38.
37. Кузнецов Г.И., Манойло А.В., 1998: Влияние антропогенных нагрузок на режим солнечной УФ радиации, интенсивность воздействия на живую ткань и активность гетерогенных процессов в формировании аномалий озонного слоя Земли.//М., Сборник трудов Первой Всероссийской конференции «Физические проблемы экологии», т3.
38. Петрова Т.П. Отношения США – Перу: Монроизм vs Боливаризма // Национальная безопасность / nota bene.-2012.-2.-С. 104-110.

References (transliterated)

1. Stepin V.S. Nauka / Noveishii filosofskii slovar'. Minsk, 2001, s. 663.
2. D'yakonov I.M. Puti istorii. Ot drevneishego cheloveka do nashikh dnei. M.: 1994, s. 352-353.
3. Novikov D.A. Teoriya upravleniya organizatsionnymi sistemami. 2-e izd. M.: Fizmatlit. 2007.
4. Novikov A.M., Novikov D.A. Metodologiya nauchnogo issledovaniya. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2010, s. 70;
5. Il'in V.V., Kalinkin A.T. Priroda nauki: gnoseologicheskii analiz. M.: Vysshaya shkola, 1985.
6. Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura. Kollektivnaya monografiya. / Otv. red. L.P. Kiyashchenko i V.S. Stepin. SPb.: Izdatel'skii dom «Mir'» 2007, s.9-10.
7. Turchin P.V. Istoricheskaya dinamika. Na puti k teoreticheskoi istorii. Per. s angl. M.: Izdatel'stvo LKI, 2007, s. 35.
8. Collins R. Weberian Sociological Theory. N.Y., 1986; Rozov N.S. Sovremennaya teoriya geopoliticheskoi dinamiki: rekonstruktsiya issledovatel'skoi programmy R. Kollinza, – www.archipelag/geopolities; Rozov N.S. Nachala ratsional'noi filosofii istorii: issledovatel'skaya programma, modeli i gipotezy. Vyp. 5. Poznavatel'nye sredstva teoreticheskoi istorii. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2000. 232.
9. Ibn Khaldun. The Mugaddinach: An Introduction to History. Transl. by F. Rosental. N.Y., 1958.
10. Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life, N.Y., 1995.
11. Hodgson M. The Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization. Chicago, 1974.
12. Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern Civilization. Berkely 1991.
13. Prigozhin I. Konets opredelennosti. Vremya, khaos i novye zakony prirody. M.: Izhevsk, 2000, s. 53.
14. Prigozhin I. Stengers I. Poryadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodoy. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008, s.165-179.
15. Moiseev N.N. Universum. Informatsiya. Obshchestvo. M.: 2001, s.42.
16. Shevchenko A.V. Informatsionnaya ustoichivost' politicheskoi sistemy. Monografiya. M.: Izd-vo RAGS, 2005, ss. 34-35.
17. El'chaninov M.S. Sotsial'naya sinergetika i katastrofy Rossii v epokhu moderna. M.: KomKniga, 2005, s.7.
18. Prigozhin I., Stengers I. Poznanie slozhnogo. Vvedenie. M.: URSS, 2003; Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa: Novyi dialog cheloveka s prirodoy. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008, 296 s.; Prigozhin I., Stengers I. Vremya, Khaos, Kvant. M.: KomKniga, 2005.

19. Khaken G. Sinergetika: Ierarkhiya neustoichivosti v samoorganizuyushchikhsya sistemakh i ustroistvakh. M.: 1985; Khaken G. Informatsiya i samoorganizatsiya: Makroskopicheskiy podkhod k slozhnym sistemam. M.: 1991.
20. Arnol'd V.I. Teoriya katastrof. M.: URSS, 2004
21. Poston T., Styuart I. Teoriya katastrof i ee prilozheniya. M.: 1980.
22. Tomson Dzh. Neustoichivosti i katastrofy v nauke i tekhnike. M.: 1985.
23. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Zakony evolyutsii i samoorganizatsiya slozhnykh sistem. M.: 1994; Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Sinergetika kak novoe mirovidenie: Dialog s I. Prigozhinym //Voprosy filosofii, №12,1992; Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Struktury budushchego: sinergetika kak metodologicheskaya osnova futurologii//Sinergeticheskaya paradigma. Nelineinoe myshlenie v nauke i iskusstve, M.: 2002;
24. Kapitsa S.P., Kurdyumov S.P., Malinetskii G.G. Sinergetika i prognozy budushchego. M.: Nauka, 1997.
25. Branskii V.P. Iskusstvo i filosofiya. Kaliningrad, 1999; Branskii V.P. Sotsial'naya sinergetika kak postmodernistskaya filosofiya istorii//Obshchestvennye nauki i sovremennost'. №6, 1999; Branskii V.P. Teoreticheskie osnovaniya sotsial'noi sinergetiki // Voprosy filosofii, №4, 1999.
26. Nazaretyan A.P. Agressiya, moral' i krizisy v razvitii mirovoi kul'tury (Sinergetika sotsial'nogo progressa). M.: 1995; Nazaretyan A.P. Tsivilizatsionnye krizisy v kontekste Universal'noi istorii: Sinergetika, psikhologiya i futurologiya. M.: 2001.
27. Malinetskii G.G. Nelineinaya dinamika – klyuch k teoreticheskoi istorii // Obshchestvennye nauki i sovremennost', №4, 1996; Malinetskii G.G. Nelineinaya mekhanika i istoricheskaya dinamika // Obshchestvennye nauki i sovremennost', №2, 1997;
28. Rozov N.S. Nachala ratsional'noi filosofii istorii: issledovatel'skaya programma, modeli i gipotezy. Vyp. 5. Poznavatel'nye sredstva teoreticheskoi istorii. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2000. 232 s.
29. Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura. Kollektivnaya monografiya. Otv. red. L.P. Kiyashchenko i V.S. Stepin. SPb.: Izdatel'skii dom «Mir'» 2007, s.9-10.
30. Manoilo A.V. Strategii «upravlyaemogo khaosa» v usloviyakh khaotizatsii mezhdunarodnykh otnoshenii: mif ili real'nost'? // NB Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2014.-№ 1.-S.1-3. DOI: 10.7256/2306-4226.2014.1.10750;
31. Manoilo A.V. Informatsionnoe protivoborstvo v usloviyakh psikhologicheskoi voyny. // Zakon i pravo.-2003. №12. – S. 31-34;
32. Manoilo A.V. Psikhologicheskie operatsii: modeli i tekhnologii upravleniya konfliktami. // Politeks (Politicheskaya ekspertiza).-2008. №3 S. 62-73.
33. Manoilo A.V. Modeli informatsionnogo vozdeistviya na razreshenie mezhdunarodnykh i vnutripoliticheskikh konfliktov. // Federalizm.-2008.-№3. – S. 159-172.
34. Spiridonov V.V. O roli deneg, kredita, bankov dlya Rossii v usloviyakh sanktsii // Konfliktologiya / nota bene.-2015.-2.-C. 140-150. DOI: 10.7256/2409-8965.2015.2.14825.
35. Karpovich O.G. Demokraticheskie instituty i ikh rol' v sisteme gosudarstvennogo upravleniya // Politika i Obshchestvo.-2015.-3.-C. 387-394. DOI: 10.7256/1812-8696.2015.3.14781.
36. Ostroukhov O.V. Politicheskii risk v aspekte natsional'noi bezopasnosti (osnovy optimizatsii politicheskogo riska) // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene.-2012.-2.-C. 30-38.
37. Kuznetsov G.I., Manoilo A.V., 1998: Vliyanie antropogennykh nagruzok na rezhim solnechnoi UF radiatsii, intensivnost' vozdeistviya na zhivuyu tkan' i aktivnost' geterogennykh protsessov v formirovanii anomalii ozonnogo sloya Zemli.//M., Sbornik trudov Pervoi Vserossiiskoi konferentsii «Fizicheskie problemy ekologii», t3.
38. Petrova T.P. Otnosheniya SShA – Peru: Monroizm vs Bolivarizma // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene.-2012.-2.-C. 104-110.